

Но глядя на то, как мать сияет от радости, она не осмеливалась даже заплакать.

Стоило Цинь Цинь заплакать, как девушка Цинь Лу тоже не смогла сдержать слёз.

Цинь Лу пришлось утешающе похлопать Цинь Цинь по голове и сказать:

— Не бойся, с братом всё будет хорошо.

Цинь Цинь лишь плакала — видимо, и страх, и тревога накопились, и сейчас она была на грани срыва. Цинь Лу больше всего боялась женских слёз, потому что не умела утешать, поэтому ей оставалось лишь сидеть и ждать, пока Цинь Цинь выплачется.

Цинь Цинь в этом году исполнилось четырнадцать, она уже взрослая девушка. Когда слёзы закончились, она обнаружила, что лежит в объятиях брата, и от смущения покраснела. Отступив назад, она вспомнила слухи, которые услышала сегодня по возвращении, и тотчас сказала Цинь Лу:

— Старший брат, почему ты не хочешь жениться на сестре Сюфан? Я знаю, что она тебе не очень нравится, но ведь и другой любимой у тебя нет. Раз уж всё зашло так далеко, женись на сестре Сюфан как можно скорее!

Только сейчас Цинь Лу окончательно уверилась, что Цинь Цинь действительно не знает, что девушка Цинь Лу на самом деле женщина. Но что она имеет в виду?

Видя, что Цинь Лу не реагирует, Цинь Цинь заторопилась:

— Старший брат, родители глупы, но ты ни в коем случае не должен глупить! Во двор принцессы не так-то просто попасть. Ты спас принцессу — получил хорошую должность, и на этом остановись. Ни в коем случае не имей с принцессой никаких дел!

Старший брат хоть и неплох собой, но характер у него мягкий, и он неразговорчив.

Даже если принцесса положит на такого брата глаз, это будет лишь недолгий интерес, о долгой связи и речи быть не может. А даже если и выйдет что-то долгое — у принцессы ведь есть Фума. Из-за этого брат до конца жизни может остаться без детей!

Цинь Лу и не думала, что эта Цинь Цинь не только ясно видит суть дела, но и искренне заботится о девушке Цинь Лу. При мысли об этом она решила, что та просьба, с которой она обратилась к принцессе, была не напрасной.

Она сказала:

— Не волнуйся. Я не женюсь на Сюфан и не стану мужчиной принцессы.

Получив от Цинь Лу твёрдый ответ, Цинь Цинь успокоилась.

В конце концов, старший брат спас принцессу, и если у него самого нет таких мыслей, то и принцесса вряд ли станет его принуждать.

— Старший брат, тогда хорошо отдыхай, а я пойду, — сказала она.

Уже стемнело, и даже родным брату с сестрой не стоило оставаться вместе дольше положенного.

— Подожди, — окликнула её Цинь Лу. — Ты никогда не думала, какого мужа хотела бы найти?

Цинь Лу знала, что девушки в древности, как, например, сама девушка Цинь Лу, очень стеснительны. Но сама она всегда говорила прямо, и слово «обиняки» никак не вязалось с её натурой. Поэтому она напрямую спросила Цинь Цинь, рассудив, что они сёстры, и такой вопрос не должен быть чем-то предосудительным.

— Старший брат, что ты такое говоришь! — стоило Цинь Цинь это услышать, как она тотчас залилась краской, топнула ногой и, развернувшись, убежала.

Цинь Лу была потрясена до глубины души и поневоле принялась себя корить.

Похоже, она хоть и смирилась с тем, что осталась в этом мире, но по-настоящему так и не влилась в него.

Девушка Цинь Лу сказала:

— Сестра Цинь, моя сестра наивна и вспыльчива. Ты подбери ей жениха из простой семьи, где мало домочадцев. — Помолчав, она добавила: — Но моя мать хочет выдать её замуж в семью моего деда по материнской линии. Только Юньжуй, мой двоюродный брат там, ленив и беспутен, и, будучи совсем юным, уже сделал свою служанку наложницей. Если сестра туда попадёт, её характер наверняка рассердит деда и старшую тётку, а то и посорит её с наложницей Юньжуй. Мне её жаль.

Цинь Лу спросила:

— А в семье твоего деда по матери хорошие условия?

— Да. Мой младший дядя по материнской линии прилежно учился, ещё в молодости старый

господин Ци дал ему вольную. Позже он сдал экзамены на цзиньши и стал чиновником, и тогда вся семья деда вышла из поместья Ци. — Девушка Цинь Лу продолжила: — Только к тому времени моя мать уже вышла замуж за моего отца, а он ещё и двух наложниц взял. Дядя рассердился, и дедова семья не стала выкупать из рабства моих родителей.

Сюй Тяньцзяо хоть и выходила замуж трижды, Резиденция принцессы всё это время оставалась неизменной.

В первый раз она вышла за Сюэ Цивэня. Тогда Сюэ Цивэнь был уже в почтенных годах, имел полный дом детей и внуков, и, разумеется, не мог переехать в Резиденцию принцессы. Во второй раз она вышла за Чжэн Цзе, внука герцога Чжэна. Чжэн Цзе тогда был при смерти и его нельзя было тревожить переездом, поэтому он тоже остался в Резиденции герцога. И только в третий раз, когда она вышла за своего двоюродного брата Ци Хао из рода матери, она наконец переехала в собственную Резиденцию принцессы.

Поэтому половина прислуги в Резиденции принцессы была пожалована императором, а половина переведена из Поместья маркиза Аньдин.

Мать Цинь Дабао была служанкой, приданной старой госпоже маркиза Аньдин, поэтому Цинь Дабао и получил возможность устроиться в Резиденцию принцессы вторым управляющим, ведающим закупками. И именно поэтому тогда родные Мэй-ши не смогли заступиться за неё.

Цинь Лу понимала, что ей предстоит выдержать тяжёлую битву с Мэй-ши.

Но раз Цинь Цинь не говорит, чего хочет сама, неужто ей поступать по просьбе девушки Цинь Лу? И, честно говоря, хотя брак с Мэй Юньжуем для Цинь Цинь и не был хорошим исходом, она хотя бы переставала быть служанкой, и её будущие дети не были бы из рабского сословия. Это всё же лучше, чем выбирать кого-то среди прислуги Резиденции принцессы.

Цинь Лу в замешательстве почесала голову, но тут вспомнила, что принцесса Тяньцзяо говорила, будто, как только её рана заживёт, она переведёт её в свои личные телохранители.

Телохранители ведь не рабы, верно?

Когда она туда попадёт, можно будет выбрать для Цинь Цинь какого-нибудь телохранителя, до которого принцесса Тяньцзяо ещё не добралась. Это было бы неплохо.

— Принцесса сказала, что, когда моя рана заживёт, она переведёт меня в личные телохранители. — Цинь Лу спросила: — Как думаешь, выйдет ли из этого толк, если я подберу Цинь Цинь в мужья телохранителя?

— Ах! — вскрикнула девушка Цинь Лу и только потом спросила: — Ты, ты правда пойдёшь?

Цинь Лу ответила вопросом на вопрос:

— Думаешь, у меня есть возможность отказаться?

А если по совести, то даже имея она такую возможность, она бы не отказалась.

Она хоть и попала в эту эпоху и по странному стечению обстоятельств стала переодетой в мужчину служанкой, она вовсе не желала жить так всю жизнь. Не желала вечно носить мужскую одежду и вечно быть прислугой. А если стать телохранителем принцессы и выслужиться, то в будущем выпросить указ об освобождении не составит большого труда.

— ...Нет, — девушка Цинь Лу помолчала и лишь потом нехотя произнесла: — Но... но принцесса, кажется, и правда на тебя запала. Если позже она узнает, что ты женщина, это будет преступлением перед троном... за это... за это казнят...

Цинь Лу усмехнулась и уже хотела возразить, но в следующий миг зажала себе рот рукой.

Губы слегка горели.

Перед ужином эта легкомысленная принцесса, кажется, поцеловала её. Нет, не так — она поцеловала девушку Цинь Лу... Цинь Лу занервничала и запинаясь спросила:

— Н-не может быть?

Девушка Цинь Лу вздохнула:

— Не знаю. Но она уже поцеловала тебя в губы... да ещё при моей матери и при слугах. Думаю, теперь по всей Резиденции принцессы уже разносятся эти слухи. — Чего она не сказала, так это того, что даже если служанки принцессы и промолчат, её мать по своему характеру непременно разболтает новость ради выгоды и почёта.

Цинь Лу с тяжёлым сердцем сказала:

— Принцесса ведь целовала тебя...

Она снова коснулась губ.

Девушка Цинь Лу вовремя подлила масла в огонь:

— Но теперь ты — это я.

В современном мире Цинь Лу было уже под тридцать, и, конечно же, она ни разу не целовалась. Так что то недавнее соприкосновение губ можно было считать её первым поцелуем, вот только жаль, что ощутила его не она.

Хотя симпатии к Сюй Тяньцзяо она не испытывала, любопытство взяло верх:

— А ты что тогда чувствовала?

— Страх! Очень, очень сильный страх! — При одном лишь воспоминании девушку Цинь Лу бросало в дрожь.

Она была душой, что не отходила от тела после смерти, и бояться ей было нечего. Но если бы это раскрылось, её младшая сестра Цинь Цинь, старшая сестра Цинь Я, родители и двое младших братьев от наложницы — все они могли бы лишиться жизни из-за этого.

Оказывается, просто страх...

Цинь Лу показалось это ужасно скучным. Но, поразмыслив, она решила, что иначе и быть не могло: девушка Цинь Лу, с её любовью к любовным романам, даже будучи поцелованной принцессой Тяньцзяо, вряд ли испытала бы что-то особенное.

Она ведь не была ею.

Нет, стоп!

Сама она тоже не питала к этой легкомысленной принцессе ни малейшей симпатии! Хорошо ещё, что её не поцеловали, пока она была в этом теле, — иначе сейчас она бы уже сто раз полоскала рот.

Как и предсказывала девушка Цинь Лу, весть о том, что Сюй Тяньцзяо поцеловала Цинь Лу, разнеслась по всей Резиденции принцессы ещё до ужина. Цинь Дабао даже поспешил в комнату Мэй-ши, чтобы вывести правду об этом деле.

Мэй-ши улыбалась до ушей:

— Какая же тут ложь? Я стояла рядом и сама всё видела!

— Ох! Сяо Лу у нас молодец! — радостно воскликнул Цинь Дабао. — Жена, ты отлично его воспитала, отлично! Я слышал, принцесса распорядилась, чтобы Сяо Лу отныне получал три трапезы в день из главной кухни, а вдобавок мог брать по одному блюду из малой кухни принцессы. Это правда?

Хотя прислуга Резиденции принцессы тоже питалась с главной кухни, еда для неё готовилась отдельно. А раз Сюй Тяньцзяо распорядилась лично, это значило, что Цинь Лу будет есть ту же пищу, что и сами господа. Сейчас в Резиденции принцессы было лишь двое господ — принцесса и Фума. Стало быть, Цинь Лу получал бы то же довольствие, что и Фума.

А уж блюдо из малой кухни принцессы и сам Фума нечасто пробовал.

При мысли об этом Цинь Дабао решил, что должность главного управляющего Резиденцией принцессы уже почти у него в кармане.

Мэй-ши закивала, словно толкла в ступе:

— Конечно, правда! Сегодня вечером я как раз ела у Сяо Лу. Если хочешь попробовать, завтра пойдём вместе.

Цинь Дабао просто не знал, куда деться от радости:

— Ладно, ладно, завтра в полдень пойдём вместе. И Куйгэ с собой возьмём, он...

— Нет! — Мэй-ши, посерьёзнев, оборвала его. — Мой сын добыл это ценой собственной жизни. Ты, отец, можешь пойти и съесть кусочек — на том и ладно. А остальным и думать нечего!

Тут Цинь Дабао вспомнил, что у него был и второй повод прийти: сегодня наложница Хун приводила к нему Куйгэ, и тот так горько плакал, что он пообещал ему замолвить словечко. Но при нынешнем положении Сяо Лу ему лучше не злить Мэй-ши — как бы чего не вышло: если Сяо Лу рассердится и не замолвит за него словечко, будут неприятности. Хотя оба они его сыновья, Сяо Лу с детства был замкнутым и с отцом ни капли не ладил.

Однако грубость Мэй-ши всё же разозлила Цинь Дабао. Мысль переночевать в её комнате улетучилась из-за этой обиды, и он отправился в покои наложницы Хун.

Ци Хао тоже получил эти сведения.

В последние два года принцесса Тяньцзяо вела себя невообразимо взбалмошно, и он давно к этому привык. Он выгнал слуг, посидел в одиночестве за чашкой чая и привёл свои чувства в порядок.

А вот управляющий Чжан Жуй, узнав эту новость и взглянув на младшую дочь, которая отказывалась есть даже за ужином, в ярости опрокинул стол и рывкнул жене, госпоже Жань:

— Завтра же найди сваху и до конца года выдай эту девку замуж! Нечего ей позорить моё имя!

Госпоже Жань было и больно, и досадно, но раз Чжан Жуй разгневался, она не посмела перечить и лишь кивнула, чтобы его успокоить. А когда Чжан Жуй ушёл, она зашла в комнату и нашла Чжан Сюфан.

— Сюфан, ты тоже смирись. Посмотри, что теперь творится: эта Цинь Лу пристроился к принцессе, и как бы наша семья ни хорохорилась, с принцессой нам тягаться не с руки, верно? — Чжан Сюфан в это время плакала, и вся злость госпожи Жань улетучилась, осталась только жалость.

Чжан Сюфан, всхлипывая, проговорила:

— Матушка, я понимаю. Я, я просто обижаюсь за брата Сяо Лу... Он такой хороший человек, а тут... а тут его топчет такая распутная женщина, как принцесса Тяньцзяо...

Не договорив, Чжан Сюфан получила от матери звонкую пощёчину.

— Матушка... — ошарашенно глядя на неё, проговорила она, даже перестав плакать.

Госпожа Жань, скрипя зубами, зашипела:

— Ты жить надоело? Это как ты смеешь такое говорить?! Даже если тебе жизнь не мила, не смей подставлять меня с отцом, а ещё твоего брата с невесткой и племянников!

Тут до Чжан Сюфан дошло, что она сморозила. Лицо её побелело, она замотала головой и сквозь слёзы запричитала:

— Матушка, я виновата, виновата! Не буду я так говорить, больше никогда не буду.

Увидев на щеке дочери яркий отпечаток пяти пальцев, госпожа Жань тоже расплакалась.

Мать и дочь долго обнимались и плакали, и лишь когда Чжан Сюфан, утомившись, уснула, госпожа Жань вышла из комнаты.

А Цинь Лу обо всём этом и не знала. Она думала лишь о замужестве Цинь Цинь, о своей собственной свободе в будущем и старательно ела, чтобы поскорее набраться сил и пойти в телохранители к Сюй Тяньцзяо.

Слухи о похождениях Сюй Тяньцзяо и Цинь Лу не вызвали большого переполоха. Потому что вскоре после того, как зажила стреловая рана Цинь Лу, Мэй Инь вернулась к Сюй Тяньцзяо, да и сама Сюй Тяньцзяо больше ни разу не заглядывала в людскую, где жила Цинь Лу.

Если бы не постоянное бормотание Мэй-ши, вся усадьба, пожалуй, сочла бы тот поцелуй лишь сном.

Три месяца пролетели незаметно. Тело Цинь Лу восстанавливалось превосходно — это она ощущала лучше всех: стреловая рана затянулась не позже чем за пять дней, а нога — меньше чем за месяц.

Это удивляло и девушку Цинь Лу, и её саму.

Впрочем, раз уж случилось и переселение душ, и две души в одном теле, то и скорость восстановления, намного превосходящая обычную, — две души утешали друг друга и в конце концов кое-как смирились.

В сущности, и потому смирились, что выбора всё равно не было.

Смириться-то смирились, но, чтобы не вызывать у посторонних удивления, Цинь Лу целых три месяца провалялась в постели и лишь потом осмелилась встать.

А вот обещание Сюй Тяньцзяо перевести Цинь Лу в личные телохранители так сразу и не исполнилось. Цинь Лу и девушка Цинь Лу ещё ладно, а вот Мэй-ши не могла усидеть на месте.

Уже через два с половиной месяца, почувствовав, что Цинь Лу почти здорова, Мэй-ши забежала как угорелая, пытаясь добиться от Сюй Тяньцзяо исполнения обещания. Но прошло уже три месяца, Цинь Лу поправилась настолько, что могла бегать, а вестей всё не было — как тут было не нервничать.

Цинь Лу как раз обсуждала с девушкой Цинь Лу, у кого из охранников Резиденции принцессы лучше всего боевое искусство и к кому можно пойти в ученики, когда в комнату ворвалась Мэй-ши.

Увидев Цинь Лу, преспокойно сидящую у изголовья кровати, Мэй-ши от нетерпения даже лицом перекосило:

— Сяо Лу! До каких пор ты будешь сидеть тут сложа руки?! Принцесса обещала взять тебя в личные телохранители, а ты уже столько времени здоров, а вестей всё нет! Как ты можешь не переживать?!

Цинь Лу про себя подумала: «Прошло-то всего три месяца и два дня, я только вчера встала с кровати. Как же за один день это превратилось в „столько времени“?»

Мэй-ши было не до болтовни. Она подхватила Цинь Лу под руки, подтащила к шкафу, порылась и, выбрав одежду наполовину новую, наполовину поношенную, швырнула в неё.

— Живо надевай! Сегодня день рождения старой госпожи маркиза Аньдин. Принцесса поехала в Поместье маркиза Аньдин поздравить старую госпожу. Думаю, она скоро вернётся. Пойдём скорее к воротам, подождём. Может, принцесса увидит тебя и сразу вспомнит о своём обещании.

Цинь Лу за эти три с лишним месяца совсем заплесневела от безделья. В эту эпоху никаких развлечений не было; наступило знойное лето, а ни кондиционеров, ни холодильников не водилось; заданий не давали — оставалось либо болтать с девушкой Цинь Лу, либо скучать в оцепенении. Ей и правда очень хотелось хоть какого-нибудь занятия.

Но вот идти к воротам поджидать эту легкомысленную принцессу — этого она, по собственному разумению, сделать не могла.

Сила у Цинь Лу была немалая: с тех пор как зажила нога, она, опасаясь растолстеть и потерять ловкость, в тишине ночей часто упражнялась в комнате. Так что даже не то что одна Мэй-ши, а пять таких Мэй-ши не смогли бы сдвинуть её с места.

Мэй-ши дёрнула два раза — Цинь Лу стояла как вкопанная.

Тут уж Мэй-ши разревелась. Но слёзы пожилой женщины, к тому же себялюбивой и недоброй, не тронули Цинь Лу.

Однако следом заплакала и девушка Цинь Лу.

И, всхлипывая, с расстановкой заговорила:

— Сестра Цинь, сходи! Не забывай, ты обещала мне подыскать для младшей сестры мужа из телохранителей. Если не пойдёшь, откуда у тебя будет такая возможность? Сестра уже не маленькая, в следующем году ей стукнет шестнадцать!

И Цинь Лу надела лучшую одежду из гардероба возницы и под конвоем Мэй-ши отправилась к воротам.

У ворот ждало множество народу, желавшего увидеть принцессу. Особенно женщины, у которых были сыновья на выданье, — они давно принарядили своих отпрысков и ждали у входа, мечтая, что те взлетят на кровать принцессы.

Но появление Цинь Лу всё же привлекло всеобщее внимание.

Причина проста: это был мужчина, которого поцеловала принцесса.

Цинь Лу от стыда хотелось зажмуриться и сделать вид, что она не замечает этих странных

взглядов. Она, в современном мире — гордость полицейского управления, и вдруг так униженно встречает кого-то! Не бывало такого!

Вскоре к воротам Резиденции принцессы подъехала карета Сюй Тяньцзяо. Цинь Лу пришлось опуститься на колени вместе со всеми. Она только начала сгибать колени, как безо всякого предупреждения получила пинка и, пролетев несколько шагов вперёд, затормозила прямо перед Сюй Тяньцзяо.

Стояло лето, Сюй Тяньцзяо любила красоту и сама была красавицей, но боялась жары, а потому надела лёгкий летний наряд. Цинь Лу, согнувшись, остановилась перед принцессой, и её лицо оказалось прямо напротив груди Сюй Тяньцзяо.

Цинь Лу прикинула на глаз: не больше «второго размера».

Даже меньше, чем у неё самой — и в прошлой, и в нынешней жизни у неё было «третьего размера».

Лицо Сюй Тяньцзяо, и без того потемневшее от злости, при виде презрения в глазах Цинь Лу... презрения, верно?... потемнело ещё сильнее.

А главная виновница пинка, Мэй-ши, тем временем низко опустила голову. Она просчиталась со временем, просчиталась и с настроением принцессы.

Когда принцесса была в хорошем расположении духа, она спрыгивала с кареты сама. Когда же настроение было плохим или обычным, ей требовался живой табурет — тогда она, опираясь на чью-то спину, изящно и с достоинством спускалась вниз.

Вот Мэй-ши и хотела подставить под ноги принцессе Цинь Лу.

У Цинь Лу была высокая профессиональная выучка. Опомившись после мгновенного оцепенения, она немедленно опустилась перед Сюй Тяньцзяо на колени:

— Ваше высочество, прошу простить вашу ничтожную служанку! Сколько дней я вас не видел, от волнения чуть не налетел на вас. Умоляю о снисхождении.

Эти слова — что она должна говорить, стоя на коленях, — ей запинаясь подсказала девушка Цинь Лу. За такое дерзкое преступление, сказала она, могут отрубить голову.

Цинь Лу не нажилась ещё вдоволь, поэтому пришлось последовать совету.

Сюй Тяньцзяо спросила:

— С чего это ты так разволновался?

Цинь Лу: «.....»

— Отвечай! — Сюй Тяньцзяо пнула Цинь Лу в грудь.

В грудь того, кто стоял на коленях, беззащитный, с перетянутой тканью грудью.

Цинь Лу за обе свои жизни ещё никто не бил по груди...

Эта принцесса!

Просто... просто преступница без права на помилование!

Сюй Тяньцзяо холодно усмехнулась. Вот как? Всего лишь недолго её проигнорировали, а она уже не вытерпела?

Приподняв волочащийся по земле подол платья, она небрежно бросила:

— Катись внутрь!

<http://bllate.org/book/21777/2252011>